

Трубецкой Евгений Николаевич

Миросозерцание Вл. С. Соловьева

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Николаевич Т.**
Мирозерцание Вл. С. Соловьева: Том 1 / Трубецкой Евгений Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 652 с.

ISBN 978-5-519-77505-2

ISBN 978-5-519-77505-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Не только въ области церковно-политической, но и въ области чисто философской, метафизической, я при жизни Соловьева не могъ съ полной ясностью опредѣлить своего къ нему отношенія. Съ одной стороны солидарность съ основнымъ началомъ его религіозно-философскаго ученія, какъ мнѣ казалось въ то время, дѣлала невозможнымъ отдѣленіе отъ него. Съ другой стороны пантеистическая гностика, перешедшая къ нему отъ Шеллинга и Шопенгауера, смущала меня съ юныхъ лѣтъ, уже въ восьмидесятихъ годахъ, когда я впервые познакомился съ „Критикой отвлеченныхъ началъ“ и „Чтеніями о богочеловѣчествѣ“. Помнится, что смущенія эти раздѣлялись и покойнымъ моимъ братомъ кн. С. Н. Трубецкимъ, который всегда возставалъ противъ отождествленія „Софіи“ съ сущностью міра и въ бесѣдахъ со мною высказывалъ точку зрѣнія, очень близкую къ той, которая въ настоящемъ изслѣдованіи противоплагается пантеистическимъ тенденціямъ соловьевской метафизики.

Разумѣется, на разстояніи тридцати лѣтъ трудно съ точностью возстановить, въ какой мѣрѣ эти юношескія бесѣды предвосхитили настоящій мой ходъ мыслей. Ощущеніе нашей близости, удержанное памятью, можетъ быть и преувеличеннымъ, такъ какъ тождества между нашими воззрѣніями все-таки никогда не было: пересматривая юношескія произведенія кн. С. Н. Трубецкого, я, при большомъ между нами сродствѣ, нахожу въ нихъ и существенныя разногласія съ моими мыслями: уже въ восьмидесятихъ и девяностыхъ годахъ этимъ вызывались оживленные споры между нами.

Отвѣтственность за высказанное здѣсь, разумѣется, цѣликомъ падаетъ на меня одного; но чувство справедливости заставляетъ меня высказать здѣсь, сколь многимъ я обязанъ этому духовному вліянію и совмѣстной работѣ съ покойнымъ братомъ, безо всякой, впрочемъ, надежды

зрѣло. Какъ видно изъ предисловія къ этому сочиненію, въ немъ социальная утопія Платона интересуетъ меня по связи съ социальной утопій Соловьева.

точно опредѣлить, гдѣ кончаются предѣлы этого многого и гдѣ начинается область моего собственнаго. Вопросъ этотъ, впрочемъ, имѣетъ значеніе второстепенное въ виду обязанности каждаго философа искать въ философіи не *своего*, а *истиннаго*.

Вообще разногласія съ Соловьевымъ существовали всегда и у моего брата и у меня; но вмѣстѣ съ тѣмъ до весьма недавняго времени я ощущалъ какое-то могущественное препятствіе, которое не позволяло мнѣ отъ него отдѣлиться. Благодаря этому въ 1901 году, несмотря на настойчивыя просьбы кн. С. Н. Трубецкого, я отказался участвовать въ томъ номерѣ-сборникѣ „Вопросовъ философіи и психологіи“ (№ 56), гдѣ послѣ смерти Соловьева были помѣщены статьи о немъ его друзей и почитателей. Въ то время я не могъ ни противопоставить ему мою собственную точку зрѣнія какъ что-то другое, ни излагать его міросозерцаніе какъ мое собственное; излагать же и воздерживаться отъ критическихъ сужденій, какъ это было сдѣлано нѣкоторыми другими участниками сборника, я также былъ не въ состояніи, потому что его ученіе слишкомъ сильно задѣвало меня за живое всѣмъ тѣмъ, что вызывало во мнѣ сочувствіе къ нему или побуждало къ противорѣчію.

Только нѣсколько лѣтъ тому назадъ это психологическое препятствіе какъ-то вдругъ и разомъ рухнуло: я почувствовалъ возможность отойти на разстояніе отъ Соловьева, ясно отличить его точку зрѣнія отъ своей и заговорить о ней, какъ о чемъ-то въ однихъ отношеніяхъ тождественномъ, а въ другихъ—существенно отличномъ отъ моего міросозерцанія. И не только логическій ходъ мыслей положилъ эту грань между нами, но въ равной мѣрѣ, если не больше, — *историческія переживанія новой по существу чуждой Соловьеву эпохи, то новое мироощущеніе*, которое намъ пришлось испытать въ дни великихъ бурь и потрясеній, разразившихся надъ Россіей: Соловьеву было дано только *предчувствовать*, предвосхитить его въ предсмертныхъ пророческихъ видѣніяхъ. Задача философской мысли — дать этому новому мироощущенію ясную логическую форму.

Только при свѣтѣ этихъ новыхъ историческихъ пере-

живаній мнѣ стало яснымъ почему, несмотря на всѣ усилія мысли, несмотря даже на сознанныя и притомъ существенныя разногласія между нами, этотъ сдвигъ, отдѣлившій мое міросозерцаніе отъ ученія Соловьева, былъ раньше для меня невозможнымъ.

Чтобы попытка отдѣлится въ этомъ ученіи неумирающее отъ временнаго могла увѣнчаться успѣхомъ, нужна была, помимо работы мысли,—*работа времени*, то *огненное испытаніе* исторіи, въ которомъ временное сгораетъ и остается только то, надъ чѣмъ безсильно время! Истина ученія Соловьева могла отдѣлится отъ его заблужденій только при свѣтѣ новой исторической эпохи.

Всякое философское ученіе можетъ имѣть значеніе общечеловѣческое, лишь поскольку оно выражаетъ собою какой-либо важный моментъ общечеловѣческой жизни. Поэтому, чтобы преодолѣть то или другое философское ученіе, корнями своими связанное съ окружающей его духовной средой, недостаточно его до конца продумать: нужно кромѣ того его еще и *пережить*, не умомъ только, а всѣмъ существомъ отдѣлится отъ той исторической атмосферы, въ которой оно выросло.

Ученіе Соловьева зародилось въ насыщенной утопіями духовной атмосферѣ второй половины прошлаго столѣтія; но вѣдь въ той же атмосферѣ родились и нѣкогда жили и мы—его современники: утопія соціального реформаторства, утопія національнаго мессіанства, утопія посюсторонняго преображенія вселенной, — всѣ эти мечты, окрашивавшія въ „розовый“ цвѣтъ первоначальную точку зрѣнія Соловьева, когда-то въ той или другой формѣ владѣли и нашимъ воображеніемъ. Многіе изъ насъ, частью далекіе, частью же близкіе къ Соловьеву, еще недавно увлекались или даже продолжаютъ увлекаться ими до сихъ поръ, — въ томъ числѣ и тѣ, кто, видя „спицу въ глазѣ брата“, при каждомъ удобномъ случаѣ громко протестуютъ противъ иллюзій „розоваго христіанства“. Если теперь повязка начинаетъ спадать съ нашихъ глазъ и всѣ эти утопіи, когда-то. могущественныя и преисполненныя жизненной силы, мало-по-малу отходятъ въ область пережитаго, — въ

этомъ повинна не одна логика нашей мысли, но въ гораздо большей степени—*логика жизни*, разбившей иллюзіи.

Именно въ нашу критическую эпоху, когда разразившіяся надъ нами катастрофы нанесли сокрушительный ударъ романтическому утопизму во всѣхъ видахъ и формахъ, настало время *понять* ученіе Соловьева и дать ему объективную оцѣнку. Но *понять* Соловьева — значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *сдѣлать шагъ впередъ отъ Соловьева*: извѣстное изреченіе—Kant verstehen heisst über Kant hinausgehen—примѣнимо и къ нему, какъ и ко всякому великому философу, коего мысль еще не утратила своего жизненнаго значенія.

Всякая мысль живая, жизнеспособная, неизбежно развивается мыслителя, впервые ее высказавшаго, и продолжаетъ свое развитіе послѣ его смерти. Поэтому всякій, кто овладѣетъ ею въ полной мѣрѣ, неизбежно двигаетъ ее впередъ. Наоборотъ, тотъ „вѣрный“ ученикъ, который слишкомъ ревниво отстаиваетъ неприкосновенность мысли своего учителя, неизбежно остается позади ея, ибо, цѣпляясь за букву, онъ утрачиваетъ духъ, который движется и развивается. Этимъ опредѣляется задача всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ быть продолжателями Соловьева. Если мы вѣримъ въ жизненную силу его мысли, то мы должны ее развивать; но развивать унаслѣдованную мысль—значитъ прежде всего отдѣлять въ ней живое отъ мертваго. Замѣчательно, что тѣ продолжатели мыслей сократовскихъ и кантовскихъ, которые были всего болѣе озабочены сохраненіемъ въ неприкосновенности *историческаго* Сократа и *историческаго* Канта, впадали въ досократовскія и докантовскія точки зрѣнія. Истинными продолжателями оказывались тѣ ученики, которые, какъ Платонъ и Фихте, шире понимали вѣрность учителю.—Они не закапывали въ землю унаслѣдованныя отъ него богатства, но растили и приумножали ихъ; а для этого—первое условіе—освобожденіе живой мысли отъ того историческаго балласта, который задерживаетъ этотъ ростъ. Не возросла бы изъ мысли Канта величественная нѣмецкая метафизика XIX столѣтія, еслибы его продолжатели не выбросили за бортъ того мертваго придатка къ ней, который заключается въ странныхъ и противорѣчивыхъ утвержденіяхъ учителя о „вещи въ себѣ“.

Высшая дань уваженія, какую можно воздать памяти умершаго мыслителя—есть примѣненіе къ его ученію той *имманентной* критики, которая отдѣляетъ въ немъ сверхвременное отъ временнаго, *раститъ живое* и ради этого безпощадно отбрасываетъ отжившее ¹⁾).

Не только для развитія и роста унаслѣдованной мысли, но также ради ея вліянія и распространенія такая критика представляетъ необходимое условіе. Наглядное тому доказательство—ученіе Соловьева. О немъ теперь часто приходится слышать, что оно „устарѣло и отжило свой вѣкъ“. Можно было бы преклониться передъ истиной такого сужденія, еслибы оно въ самомъ дѣлѣ было истиной; и съ другой стороны можно было бы равнодушно пройти мимо него, еслибы оно было чистой, безпримѣсной ложью. Къ сожалѣнію, однако въ немъ ко лжи примѣшана нѣкоторая крупица истины, въ немъ есть *полуправда*, вводящая въ соблазнъ; и именно этимъ исключается возможность равнодушнаго къ нему отношенія.

Въ ученіи Соловьева и въ самомъ дѣлѣ есть нѣкоторые *мертвые* остатки прошлаго, слѣды увлеченій и иллюзій другой эпохи, теперь безвозвратно пережитыхъ.—И именно это обстоятельство препятствуетъ вліянію почившаго мыслителя на современное поколѣніе, которое, увы, слишкомъ часто принимаетъ скорлупу за зерно.

Если въ ученіи Соловьева нѣтъ ничего, кромѣ шеллингіанской гностики его метафизики, его національно-мессіанической мечты о третьемъ Римѣ, его теократической схемы „Царствія Божія“ въ рамкахъ церковно-государственной организаціи и его романтической грезы объ осуществленіи безсмертія черезъ половую любовь ²⁾), то отрицательныя сужденія о

¹⁾ Само собою разумѣется, что на разстояніи времени, при свѣтѣ расширеннаго знанія и жизненнаго опыта другой эпохи, это *выхожденіе* за предѣлы историческаго горизонта того или другого философа доступно мыслителямъ несравненно меньшей его силы. Кто въ наше время не „выходить за предѣлы“ историческаго Канта!

²⁾ Что именно къ этимъ мыслямъ и мечтамъ Соловьева сводится *все* его ученіе, этого, сколько мнѣ извѣстно, не утверждаетъ ни одинъ изъ его продолжателей.

немъ совершенно правильны и умѣстны: въ такомъ случаѣ онс дѣйствительно умерло и не воскреснетъ, несмотря на всѣ попытки его оживить.

Задача всего настоящаго ислѣдованія заключается, напротивъ, въ томъ, чтобы доказать, что оно *живо*: ибо всѣ эти отжившія нынѣ мечты „Соловьева историческаго“ находятся въ полномъ противорѣчій съ той центральной его идеей Богочеловѣчества, которая составляетъ *бессмертную душу* его ученія. Именно *ею* они осуждаются. Въ этомъ заключается то глубокое убѣжденіе, къ которому привела меня *имманентная* критика міросозерцанія Соловьева.

Это прежде всего должны принять во вниманіе тѣ послѣдователи почившаго мыслителя, которыхъ смутитъ радикализмъ моей критики. Жизненный идеалъ и соотвѣтственно съ этимъ — высшая норма всякой критической оцѣнки у меня — одни и тѣ же съ Соловьевымъ. Соотвѣтственно съ этимъ самая энергія отрицанія и разрушенія, которую найдетъ здѣсь читатель, обусловливается интенсивностью вѣры въ этотъ идеалъ, энергіей его утвержденія! Единственная задача этой очистительной работы, выбрасывающей историческій мусоръ, преграждающій доступъ къ ученію Соловьева, заключается въ томъ, чтобы доказать, что въ существѣ своемъ оно — живо, а не мертво. Чтобы жить, оно должно отдѣлиться отъ мертваго: въ этомъ — та мысль, которую я хотѣлъ выразить эпиграфомъ къ настоящему сочиненію.

Вопросъ о томъ, что считать живымъ и что — мертвымъ въ наслѣдіи великаго философа, — всегда является спорнымъ среди его продолжателей. Поэтому нечего удивляться, если и настоящая книга вызоветъ горячіе споры среди современныхъ продолжателей Соловьева; возможно даже, что именно въ ихъ средѣ она первоначально подвергнется наиболѣе рѣшительнымъ нападеніямъ.

Для того *общаго* дѣла, которому всѣ мы служимъ, эти споры могутъ быть только полезны, лишь бы не упускалась изъ вида эта общность дѣла, — та *единая задача*, которая должна насъ объединять. *Расхожденіе вѣтвей* всегда бываетъ признакомъ развитія и роста дерева: относительно жизни умственной это — столь же вѣрно, какъ и относи-

тельно жизни растительной. Въ исторіи философіи глубокія принципиальныя расхожденія и страстные споры между продолжателями великаго мыслителя обыкновенно служили доказательствомъ богатства и жизнеспособности завѣщанныхъ имъ идей и вели къ дальнѣйшему ихъ развитію. Намъ остается только радоваться, если подобные споры возгорятся вокругъ имени Соловьева. Въ данномъ случаѣ солидарность между спорящими должна быть имъ тѣмъ болѣе дорога, что они связаны между собою не однимъ только уваженіемъ къ памяти отшедшаго мыслителя: всѣ ихъ спорныя мнѣнія, какъ бы далеко они ни расходились, представляютъ собою развѣтвленія того *единого ствола русской религиозной мысли*, который возросъ въ Соловьевѣ, но укоренился гораздо раньше его и не прекратитъ своего развитія послѣ его смерти. Съ цѣлью подчеркнуть это единство между спорящими, это единомысліе между людьми, которые во многихъ отношеніяхъ являются литературными противниками, я выпускаю это мое *авторское* изданіе при книгоиздательствѣ „Путь“, которое продолжаетъ объединять насъ, несмотря на всѣ наши расхожденія. Пусть это общее наше литературное дѣло служить и впредь выраженіемъ нашего *общаго* пути, который не исключаетъ *индивидуальной* самостоятельности каждаго изъ насъ.

Хотя, какъ сказано выше, писать о Соловьевѣ для меня значило вмѣстѣ съ тѣмъ выяснять основы собственнаго міросозерцанія, однако, по самому существу задачи настоящаго изслѣдованія, центромъ тяжести въ немъ является все-таки *оцѣнка воззрѣній самого Соловьева*: я могъ высказывать собственное міровоззрѣніе лишь въ предѣлахъ этой темы, вслѣдствіе чего читатель, разумѣется, не найдетъ здѣсь всесторонняго его обоснованія и исчерпывающаго изложенія.

Въ предѣлахъ оцѣнки Соловьева я могъ только поставить задачи, завѣщанныя имъ его продолжателямъ и лишь въ *общихъ чертахъ* намѣтить пути къ ихъ рѣшенію.

Второй томъ настоящаго изслѣдованія, который заключается въ себѣ мои окончательныя выводы о Соловьевѣ, теперь печатается и не замедлитъ выйти въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ.

Москва. 18 февраля 1913 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ I ТОМА.

ЧАСТЬ I.

	<i>Стран.</i>
ГЛАВА I. Личность В. С. Соловьева	1— 34
ГЛАВА II. Жизненная задача Соловьева и всемірный кризисъ жизнепониманія	35— 93
I. Вѣкъ философскаго отчаянія и философская задача Соловьева	35— 40
II. Утрата смысла въ личной и общественной жизни чело- вѣка. Вопросъ о смыслѣ жизни какъ практическая задача.	40 - 43
III. Задача преодоленія западной философіи и переходъ къ религіозной точкѣ зрѣнія	43— 50
IV. Шеллингъ, славянофилы и Соловьевъ о кризисѣ западной философіи	50— 58
V. Соловьевъ и славянофильство	59— 63
VI. Славянофильскія идеи и освободительная эпоха	63— 66
VII. Соловьевъ, славянофилы и Чаадаевъ	66— 73
VIII. Соловьевъ и Достоевскій.	73— 78
IX. Соловьевъ и Федоровъ	78— 85
X. Жизненная задача Соловьева и три періода его твор- чества.	85— 93

ЧАСТЬ II.

Періодъ подготовительный.

ГЛАВА III. Всеединное и отвлеченныя начала.	97—120
I. Основной принципъ	97—104
II. Планъ философіи Соловьева и его жизненная программа.	104—107
III. Понятіе Абсолютнаго и источникъ философскихъ заблуж- деній въ сужденіяхъ о немъ	107—112
IV. Точка зрѣнія „Критики отвлеченныхъ началъ“.	112—119

	<i>Стран.</i>
ГЛАВА IV. Субъективная этика	120—147
I. Эмпирическая нравственность: гедонизмъ, эвдаймонизмъ, утилитаризмъ	120—124
II. Эмпирическая нравственность. Учение Шопенгауера	124—129
III. Этика Канта	129—136
IV. Вопросъ о свободѣ воли.	136—147
ГЛАВА V. Объективная этика	148—189
I. Общество какъ условіе нравственной дѣятельности	148—153
II. Хозяйственный элементъ общества и социализмъ	153—161
III. Учение о правѣ и государствѣ	161—167
IV. Учение о правѣ и государствѣ (критическія замѣчанія).	167—173
V. Религіозное начало въ обществѣ. Отвлеченный клерикализмъ и свободная теократія	173—178
VI. Истинно-религіозное начало въ нормальномъ обществѣ.	178—18
VII. Этика всеединства и отвлеченныя начала (заключеніе).	182—189
ГЛАВА VI. Теоретическая философія	190—236
I. Переходъ отъ этики къ метафизикѣ и гносеологіи	190—191
II. Критика отвлеченнаго реализма	191—197
III. Феноменологія Гегеля и критика отвлеченныхъ началъ	197—200
IV. Отдѣльныя формы отвлеченнаго реализма.	200—206
V. Сенсуализмъ, отвлеченный эмпиризмъ и позитивизмъ.	207—218
VI. Раціонализмъ	218—223
VII. Соловьевъ и Чичеринъ о раціонализмѣ.	223—226
VIII. Общій итогъ реализма и раціонализма	226—228
IX. Философскій имманентизмъ и трансцендентность истины.	228—236
ГЛАВА VII. Теорія познанія Соловьева	237—268
I. Всеединство въ познаніи	237—252
II. Положительное и отрицательное въ первой гносеологіи Соловьева	252—268
ГЛАВА VIII. Метафизика. Учение объ Абсолютномъ	269—324
I. Общія замѣчанія.	269—272
II. Первое Абсолютное.	272—281
III. Первая матерія	281—284
IV. Міръ идей	284—292
V. Міръ идей (критическія замѣчанія)	292—302
VI. Пантеизмъ и борьба противъ него.	302—309
VII. Учение о св. Троицѣ	309—317
VIII. Учение о св. Троицѣ (критическія замѣчанія).	317—324
ГЛАВА IX. Учение о богочеловѣчествѣ	325—365
I. Метафизика богочеловѣчества	325—332
II. Религія богочеловѣчества	332—337
III. Богочеловѣчество и антропоцентризмъ	337—343